

ПАФИЛОВ В. З.

ОТРИЦАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В КОНСТИТУИРОВАНИИ
СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

I. В последнее десятилетие все большее число лингвистов отказывается от принципа исследования языка как имманентного явления, и, в частности, приходит к убеждению, что структуру предложения как особой языковой единицы невозможно рассматривать вне связи с теми формами мысли, средством выражения которых оно является. Природа простого предложения также может быть понята только в связи с теми основными формальными разновидностями мысли, которые им выражаются, т. е. с суждением, вопросом и побуждением. При этом можно отвлекаться от того, следует ли рассматривать вопрос и побуждение в качестве разновидностей суждения, расширяя тем самым понятие суждения как формы мысли и, следовательно, выделяя в нем суждение-сообщение, суждение-вопрос и суждение-побуждение (П. В. Копнин), или трактовать их наряду с суждением как разновидности логической фразы, или логемы (П. В. Чесноков), которая в отношении всех их будет выступать как родовое понятие.

Рассматривая суждение в узком смысле этого слова, т. е. суждение-сообщение, следует прежде всего отметить, что в его структуре можно выделить два уровня [1, с. 106—129]. Один из них есть суждение как пропозициональная функция, исследуемый в современной формальной логике. Структуру суждения как пропозициональной функции образуют n -местный предикат и его аргументы. Эта структура фиксируется во всех моделях предложения, служащих для выражения класса суждений отношений в целом (типа *Москва южнее Ленинграда*, *Иван старше Петра* и т. п.), отображаемых логической формулой aRb . В большинстве языков широко представлены и являются наиболее частотными те модели предложения, которые выражают отношения актантов к действию, типа русских *Иван любит Марию*, *Иван берет книгу* и т. п. В такого рода моделях предложения выражается одна из разновидностей суждения как пропозициональной функции, отражающая тот или иной характер отношений между актантами и действием [формула $A(x, y...)$]. Структуру суждения как пропозициональной функции могут образовать минимально два компонента, если предикат является одноместным, как, например, в случае *Иван идет*, но может быть два, три или более компонентов, как, например, в случае *Иван положил книгу* или *Иван положил книгу на стол*, в первом из которых предикат *положил* имеет два аргумента (*Иван* и *книгу*), а во втором еще третий аргумент (*на стол*).

Второй уровень структуры суждения, выражаемого предложением, есть его субъектно-предикатная структура, которая была предметом исследования в традиционной формальной логике (формула « S есть P »). Субъектно-предикатную структуру образуют логический субъект как понятие о предмете мысли и логический предикат как понятие о признаке (или признаках), присущем (или не присущем) этому предмету мысли, т. е. эта структура, в отличие от предыдущей, если не рассматривать связку как самостоятельный компонент, всегда является двучленной.

Если структура суждения как пропозициональной функции отражает характер объективных связей в действительности, то его субъектно-предикатная структура формируется в зависимости от направленности самого познавательного процесса. В этой структуре фиксируется, какой именно из компонентов ситуации, на которую направлен познавательный акт,

выделяется в качестве предмета мысли, а какой — в качестве предикатного ему признака. Поскольку в познавательных актах, направленных на одну и ту же ситуацию, в качестве последних могут выделяться ее различные компоненты, то она (ситуация) может отражаться в суждениях, отличающихся друг от друга по своему субъектно-предикатному составу, как, например, в случаях *Иван любит Марью, Марью любит — Иван* и т. п. Таким образом, в суждении на уровне его субъектно-предикатной структуры фиксируется ход, направленность познавательного процесса, т. е. его субъективная сторона.

Структура суждения как пропозициональной функции и его субъектно-предикатная структура получают свое формальное языковое выражение в структуре предложения: первая из них коррелирует с синтаксическим членением предложения и, в частности, с его залоговыми отношениями; вторая — с логико-грамматическим, или актуальным членением предложения.

Традиционный синтаксис, рассматривая структуру предложения, ограничивался лишь синтаксическим членением предложения. К тому же подлежащее и сказуемое как главные члены этого уровня членения трактовались в терминах логических понятий субъекта и предиката. Следы такой трактовки до сих пор нередко сохраняются в тех определениях, которые даются этим членам предложения не только в школьных, но и в научных грамматиках.

Структура предложения, образуемая его логико-грамматическим членением, как и формальные языковые средства, используемые на этом уровне членения предложения, по существу не включались в предмет исследования синтаксиса. В этой связи в известной мере затрагивался лишь вопрос о роли логического ударения и порядка слов¹.

За последние десятилетия положение изменилось здесь коренным образом — этому виду членения предложения и формально-языковым средствам его выражения в языкознании (и, отчасти, в логике) стало уделяться серьезное внимание. Тем самым понятие синтаксиса как раздела грамматики расширяется. Однако следует иметь в виду, что существует принципиальное различие между синтаксическим и логико-грамматическим членением предложения.

Синтаксическое членение коррелирует со структурой суждения как пропозициональной функции. Но между этими двумя видами структур нет взаимнооднозначного соответствия. Так, в синтаксической структуре предложения наряду с подлежащим, дополнениями (прямым и косвенным) и сказуемым выделяются также и такие второстепенные члены предложения, как определение и несубstantивное обстоятельство, которые сами по себе, в отдельности, не выражают каких-либо структурных компонентов суждения как пропозициональной функции, т. е. предиката и его аргументов, а входят лишь в состав синтаксических групп (подлежащего, сказуемого, дополнений), выражающих эти последние. Поэтому этот вид членения предложения целесообразно, как и раньше, называть синтаксическим, а не логико-синтаксическим.

В отличие от этого логико-грамматическое членение предложения изомерно субъектно-предикатной структуре мысли, выражаемой предложением. Логико-грамматическое членение предложения и есть субъектно-предикатная структура мысли, компоненты которой маркированы определенными формальными языковыми средствами. Субъектно-предикатная структура мысли как логическая структура выделяется в качестве особого явления лишь в той мере, в какой мы абстрагируемся от этих формальных языковых средств. Поэтому было бы неверно рассматривать логико-грамматическое членение как явление, промежуточное между мыслью и ее структурой, с одной стороны, и предложением как языковой единицей, с другой. Это следует особо подчеркнуть, поскольку такая ошибочная трактовка концепции логико-грамматического членения предло-

¹ Лишь в некоторых работах общетеоретического характера этому явлению уделялось достаточно большое внимание [2, с. 315—361].

жения, сформулированной нами в 1962 г. [3], неоднократно высказывалась в лингвистической и философской литературе.

Из сказанного следует также, что термин «логико-грамматическое членение» вполне отвечает природе обозначаемого им явления: на этом уровне членения предложения субъект и предикат как структурные элементы мысли, выраженной им, маркируются разнообразными грамматическими средствами, варьирующимися до известной степени от языка к языку. Набор этих грамматических средств лишь отчасти совпадает с теми, которые используются на синтаксическом уровне членения предложения. Поэтому даже при чисто формальном подходе грамматические средства выражения логико-грамматического членения предложения должны составить особую область исследования. При этом между последними формально-языковыми средствами и используемыми на уровне синтаксического членения предложения происходит постоянное взаимодействие, не говоря уже о том, что некоторые из них, как, например, порядок слов, функционируют и на том и на другом уровне.

Наиболее существенным образом различие между синтаксическим и логико-грамматическим уровнями членения предложения проявляется в том, что тождество или различие предложений на одном из этих уровней не означает их тождества или различия на другом уровне. Так, одна и та же синтаксическая структура с одним и тем же лексическим составом может иметь различное логико-грамматическое членение, т. е. тождество предложения на синтаксическом уровне членения не означает еще его тождества на логико-грамматическом уровне (примеры см. ниже).

Возможны и обратные случаи, когда предложения одного и того же лексического состава, но различные по своей синтаксической структуре, могут иметь одно и то же логико-грамматическое членение, т. е. выражать одно и то же суждение на уровне его субъектно-предикатной структуры. Так, ср.: 1) *Завод выпустил новые машины*; 2) *Заводом выпущены новые машины*; 3) *На заводе выпущены новые машины* (примеры А. Я. Пумпянского). Если ни один из членов этих предложений не выделяется логическим ударением, то логический субъект в них соответственно будет выражаться подлежащим *завод*, косвенным дополнением *заводом*, обстоятельством места *на заводе*, а логический предикат синтаксическими группами сказуемого *выпустил новые машины* и *выпущены новые машины*.

В то же время любое из этих предложений может иметь различную логико-грамматическую структуру, если, например, посредством логического ударения будут выделяться его различные члены. Так, ср.: 1) *Завод выпустил новые машины*; 2) *Завод выпустил новые машины*. В первом из этих предложений логический предикат выражается подлежащим *завод*, во втором — синтаксической группой прямого дополнения *новые машины*.

Если в русском и других индоевропейских языках средствами логико-грамматического членения предложения являются, прежде всего, логическое ударение, порядок слов, различные разряды служебных слов [модальные слова, указывающие на ту или иную степень достоверности содержания предложения с точки зрения говорящего (типа русских *может быть*, *вероятно*, *конечно* и т. п., немецких *wahrscheinlich*, *vielleicht*, *gewiß* и т. п.); выделительно-ограничительные слова типа русских *только*, *именно*, *даже*, *же* и т. п., немецких *nur*, *gerade*, *sogar* и т. п.), специальные предикато-выделительные (ремо-выделительные) и субъекто-выделительные (темо-выделительные) синтаксические конструкции], то во многих других языках в этих целях используются также специальные морфемы, присоединяемые к тому члену предложения, который выражает логический предикат, а в некоторых языках также к тому из них, который выражает логический субъект [1—16 и мн. др.].

Так, например, в нивхском языке в предложении, характеризуемом модальностью простой достоверности, любой член предложения, исключая определение при имени, если он выражает логический предикат, оформляется специальным суффиксом *-та ~ -ра ~ -да*. Например, *Вумгуда лагр оу хэгытар йордох п'рыивид'* «В нерпичьей шубе одетая, ему навстречу идет — (это) его жена» (*вумгуда* «его жена», *е-* — префикс при-

надлежности, *-да* — суффикс, выступающий в качестве показателя логического предиката).

Поскольку и логический предикат, и логический субъект маркируются определенными грамматическими средствами (отсутствие специального показателя у последнего в большинстве языков в случае наличия такового при логическом предикате следует рассматривать как нулевой показатель), их можно именовать логико-грамматическим субъектом и предикатом.

Как уже отмечалось, одна и та же ситуация может быть отражена в суждениях, имеющих различную субъектно-предикатную структуру, а следовательно, и в предложениях с различным логико-грамматическим членением. В этом, в частности, проявляется активность познавательной деятельности человеческого мышления, и это не учитывается представителями так называемого семантического синтаксиса, которые стремятся прямолинейно свести и структуру, и содержание предложения к той ситуации, по поводу которой оно высказывается. Тем самым этими авторами по существу устраняется и сам субъект познавательной деятельности, а триада «действительность — мышление — язык» подменяется схемой «действительность — язык».

II. Большинство формальных языковых средств, маркирующих логико-грамматическое членение предложения, используется только на этом уровне. Но некоторые из них, как, например, порядок слов, функционируют на обоих уровнях членения предложения. Это же следует сказать и о различных формально-языковых средствах, выражающих отрицание, которым в последнее десятилетие в языковедении стало уделяться серьезное внимание в связи с тем, что они играют большую роль в конституировании структуры предложения.

Противопоставление утвердительных и отрицательных предложений прослеживается во всех известных лингвистам языках, хотя способы выражения отрицания и варьируются от языка к языку.

При этом отрицание играет значительную роль в конституировании структуры предложения и на его логико-грамматическом и синтаксическом уровнях членения. Наличие или отсутствие отрицания в предложении определяет качество суждения, выражаемого предложением, — в логике различие утвердительных и отрицательных суждений определяется как их формальное различие по качеству.

Вместе с тем отрицание оказывает влияние и на структуру выражаемой в предложении мысли. В частности, отрицание используется в качестве одного из языковых средств маркирования логического предиката как компонента субъектно-предикатной структуры мысли. Так, например, в русском языке одно и то же по своему лексическому и синтаксическому составу предложение *Он не приезжал домой вчера* будет иметь различное логико-грамматическое членение в зависимости от того, к какому члену предложения относится отрицательная частица *не*². Ср.: 1) *Он приезжал вчера не домой*; 2) *Он приезжал домой не вчера*; 3) *Не он приезжал домой вчера*. В первом из приведенных предложений логико-грамматическим предикатом становится обстоятельство места *не домой*, во втором — обстоятельство времени *не вчера*, а в третьем — подлежащее *не он* благодаря тому, что отрицательная частица *не* относится к ним.

При этом частица *не* играет различную роль в выделении логико-грамматического предиката предложения в зависимости от того, к какому члену предложения она относится. Ее наличие при подлежащем, дополнении и обстоятельстве является показателем того, что соответствующий член предложения выступает в функции логико-грамматического предиката. Но в качестве показателя логико-грамматического предиката, когда он выражается не сказуемым, используются, как уже отмечалось выше, и другие средства, в частности, логическое ударение, частицы с выделительно-ограничительным значением, модальные слова и др.

² Иные способы выражения отрицания, характер выражаемых ими значений и их роль в конституировании структуры предложения и суждения нами ввиду ограниченности объема в настоящей статье не рассматриваются.

Поэтому возможны и такие случаи, когда при сказуемом есть отрицательная частица *не*, но логико-грамматический предикат выражается не им, как это принято считать³, а другим членом предложения, который в этом своем качестве маркируется или выделительно-ограничительной частицей, или модальным словом, или каким-либо другим способом. Таким образом, в такого рода случаях отрицательная частица *не* уже не является маркером логико-грамматического предиката. Здесь, следовательно, проявляется общая закономерность, состоящая в том, что сказуемое (синтаксическая группа сказуемого) выступает в функции логико-грамматического предиката только во всех тех случаях, когда нет какого-либо специального показателя этого последнего при каком-либо другом члене предложения. Это обусловлено тем, что в синтетическо-флективном русском языке сказуемое как член предложения чаще всего выражает логико-грамматический предикат, является как бы его преимущественным представителем. Поэтому оно не нуждается в специальных показателях этой своей функции — такие показатели необходимы для маркирования лишь других выступающих в ней членов предложения, для которых она не является специфической.

Так, например, в приведенном выше предложении *Он не приезжал домой вчера* логическим ударением может быть выделено или подлежащее *он*, или обстоятельство места *домой*, или обстоятельство времени *вчера* и соответственно в функции логико-грамматического предиката будут выступать они, а не сказуемое вместе с относящимися к нему обстоятельствами, хотя при нем и стоит отрицательная частица. Аналогичным образом каждый из этих членов отрицательного предложения может быть выделен в качестве логико-грамматического предиката посредством постановки при нем модальных слов, выражающих различные субъективно-модальные значения. Например: *Вероятно, он не приезжал домой вчера; Вероятно, домой он не приезжал вчера; Вероятно, вчера он не приезжал домой*. Более того, наличие отрицательной частицы *не* при каком-либо несказуемом члене также еще не всегда свидетельствует о том, что этот член предложения выражает логический предикат. Так, при наличии отрицательной частицы *не* при каком-либо несказуемом члене другой несказуемый член, тем не менее, будет выражать логический предикат, если он выделяется логическим ударением или к нему относится модальное слово с субъективно-модальным значением, или выделительно-ограничительная частица. Ср.: *Он вчера не домой приезжал; Вероятно, вчера он не домой приезжал; Только вчера он не домой приезжал*.

Таким образом, в отличие от логического ударения, модальных слов и ограничительно-выделительных частиц, функционирующих только на логико-грамматическом уровне членения предложения, отрицательная частица *не* в русском языке функционирует не только на этом, но и на синтаксическом уровне членения предложения.

Возникает вопрос, как должно характеризоваться качество суждения, выражаемого предложением, с одной стороны, в тех случаях, когда частица *не* функционирует на синтаксическом уровне членения, а с другой стороны, в тех случаях, когда она функционирует на логико-грамматическом уровне членения.

Если иметь в виду, что синтаксический уровень членения предложения коррелирует со структурой суждения как пропозициональной функции, а логико-грамматический уровень членения — с субъектно-предикатной структурой того же самого суждения, то вопрос может быть поставлен иначе, а именно: определяется ли качество суждения (т. е. является ли оно утвердительным или отрицательным) по характеру его структуры на первом из этих уровней или на втором? В формальной логике этот

³ Так, еще Г. Пауль полагал, что «психологическим сказуемым постоянно является также и та часть предложения, связь которой с остальными частями отрицается с помощью о с о б о й ч а с т и ц ы» [2, с. 341]. Это положение в ином терминологическом оформлении повторяется и в работах современных авторов, посвященных роли отрицания в конституировании структуры предложения.

вопрос в достаточно эксплицитной форме по существу не только не рассматривался, но даже и не ставился.

Проанализируем с этой точки зрения следующую серию предложений: 1) *Он не приезжал домой вчера*; 2) *Он не приезжал домой вчера*; 3) *Не он приезжал домой вчера*; 4) *Вероятно, он не приезжал домой вчера*; 5) *Только он не приезжал домой вчера*.

Если иметь в виду субъектно-предикатную структуру суждений, выражаемых этими предложениями, то она в наиболее логически эксплицитной форме может быть представлена, как это принято делать в логике, следующими предложениями: 1) *Он не есть приезжавший домой вчера*; 2) *Не приезжавший домой вчера есть он*; 3) *Приезжавший домой вчера есть не он*; 4) *Не приезжавший домой вчера, вероятно, есть он*; 5) *Не приезжавший домой вчера есть только он*.

Если квалифицировать суждение как отрицательное или утвердительное, учитывая, что отрицание относится или не относится к связке (мы отвлекаемся здесь от того, является ли она самостоятельным членом суждения или включается в предикат), то в качестве отрицательного может рассматриваться только то из них, которое выражается предложением с глагольным сказуемым в отрицательной форме, выступающим вместе с обстоятельством места и времени в качестве логико-грамматического предиката. Иначе говоря, отрицательным по своему качеству будет только суждение (1), оба уровня структуры которого не расходятся, т. е. оно выражается предложением, в котором логико-грамматический предикат совпадает со сказуемым (синтаксической группой сказуемого). Остальные три суждения (2), (4), (5) будут утвердительными на уровне их субъектно-предикатной структуры, но отрицательными на уровне их структуры как пропозициональной функции. Иначе говоря, если при наличии отрицательной частицы *не* у глагольного сказуемого подлежащее выделяется в качестве логико-грамматического предиката посредством логического ударения, модального слова или выделительно-ограничительной частицы *только*, то суждение, выражаемое соответствующим предложением, несмотря на наличие в нем отрицания, на уровне субъектно-предикатной структуры будет утвердительным.

Особое положение в этом отношении занимает суждение (3). В выражающем его предложении частица *не* переместилась в препозицию к подлежащему, которое в силу этого стало выражать логико-грамматический предикат. В результате вместо исходного отрицательного суждения (1) мы получили тот вид суждения, который был впервые выделен И. Кантом и определялся им как бесконечное суждение [17].

Точку зрения И. Канта, согласно которой бесконечное суждение есть особый вид суждений наряду с утвердительным и отрицательным, поддержал Г. Гегель. В классификации суждений Гегеля, наряду с отрицательным и утвердительным суждениями, выделяется третий тип суждений, включающий в себя две разновидности: а) суждение, в котором выражается пустое тождественное отношение (*Лев есть лев*) и б) суждение, в котором выражается полнейшее несоответствие между субъектом и предикатом (*Дух не есть слон*). Отличие отрицательного суждения типа *Роза не красна* от бесконечного типа *Роза не верблюд*, по Г. Гегелю, состоит в том, что в первом «субъект еще отнесен к предикату, который благодаря этому оказывается относительно всеобщим и лишь определенность которого подвергается отрицанию („роза не красна“ — подразумевает, что она все же обладает цветом...)» [18], во втором, который он именуется также отрицательно-бесконечным суждением, между субъектом и предикатом уже нет более никакого отношения [18; ср. также 19]. Возражая против мнения, согласно которому бесконечное суждение есть некое искусственное образование, бессмысленный курьез, а не реально существующая разновидность суждения как формы мысли, Гегель пишет: «Однако на самом деле мы должны рассматривать это бесконечное суждение не только как случайную форму субъективного мышления; оно оказывается, наоборот, ближайшим диалектическим результатом предшествующих непосредственных суждений (положительного и просто-отрицатель-

ного суждений), конечность и неистинность которых в нем явно выступают наружу» [18]. Ф. Энгельс, отмечая диалектический характер гегелевской классификации суждений, также выделял среди них бесконечное суждение [20].

Вопрос о выделении бесконечного суждения как особого формального типа наряду с утвердительным и отрицательным в последующей логической традиции не получил общепризнанного решения. Большинство логиков рассматривало его как разновидность отрицательных суждений. Следует, однако, отметить, что хотя в современной формальной логике отрицательные и бесконечные суждения не выделяются в самостоятельные формальные типы, тем не менее среди отрицательных суждений различают соответственно суждения с внешним и внутренним отрицанием.

Языковые данные в известной мере могут служить подтверждением правильности точки зрения Канта и Гегеля. Во всяком случае во многих языках различие между отрицательным и бесконечным суждением может быть выражено путем формального различия соответствующих предложений. Так, в русском языке, хотя при именном сказуемом связка *быть* в настоящем времени обычно опускается, возможны такие предложения, как *Кит не есть рыба* и *Кит есть не-рыба*, выражающие соответственно отрицательное и бесконечное суждения. Вместе с тем, в некоторых языках (абхазо-адыгских, нивхском и др.) различие между этими двумя видами суждений не находит формального языкового выражения. Так, в нивхском языке двум русским предложениям *Это не есть человек* и *Это есть не-человек* соответствует только одно предложение *had' n'ux hadox q'aud'*, в котором отрицание выражено аналитически сочетанием инфинитивной формы глагола *had'* «быть» (-дох — суффикс дательно-направительного падежа) и отрицательного глагола *q'aud'*.

Что понятия типа *не-рыба*, *не-человек* и т. п. действительно существуют и играют определенную роль в процессе человеческого мышления и познания, об этом свидетельствуют такого рода факты, что в языках с именными классами существуют не только показатели «положительных», но и «отрицательных» понятий. Так, например, в абхазском языке есть особые морфологические показатели именных классов *человека* и *не-человека*. Исследователями дагестанских языков (А. А. Бокаревым, Е. А. Бокаревым, С. М. Хайдаковым и др.) установлено, что в ряде из них имена, и прежде всего в форме мн. числа, подразделяются только на два класса — *человек (личность)* и *не-человек (не-личность)*, в других — на классы *мужчин* и *не-мужчин*, причем в последний включаются не только не-люди, т. е. предметы, животные и т. п., но и женщины.

Во многих языках (в русском, некоторых дагестанских и др.) выделяется также категория одушевленности — неодушевленности, в основе которой лежит разделение всех объектов на одушевленные и неодушевленные.

Существенно при этом, что во многих дагестанских языках наблюдается развитие именных классов от многочленной системы (классы мужчин, женщин, несколько классов неодушевленных объектов) к двучленной системе *человек (личность)* и *не-человек (не-личность)* или одушевленные — неодушевленные предметы, т. е. объем «отрицательного» понятия как бы увеличивается.

В других языках (как, например, нивхском, многих индийских и др.) существуют несколько (иногда до 30) систем числительных, каждая из которых употребляется при счете объектов определенного рода (длинных, плоских, круглых предметов, людей, животных и т. п.); есть и такая система числительных, которая используется при счете всех остальных объектов, у которых едва ли можно найти какой-либо общий для всех них признак. Аналогичным образом, в языках (как, например, китайском и других языках Юго-Восточной Азии), в которых с числительными сочетаются особые суффиксы-классификаторы, указывающие на вид исчисляемых объектов, наряду с теми из них, которые имеют достаточно конкретное «положительное» значение, есть и такой, который представляет собой показатель объектов, не объединяемых наличием общего для всех них

признака, если не считать таковым то, что все они являются предметами. Таким образом, в языковом мышлении носителей этих языков тоже функционируют понятия типа *не-человек*, *не-рыба* и т. д.

Противники выделения бесконечного суждения как его особой формальной разновидности, стоящей в одном ряду с утвердительным и отрицательным суждениями, указывают на то, что выражения типа *не-рыба*, *не-человек* не обозначают каких-либо отдельных, самостоятельных понятий, так как каждое из такого рода понятий, если признать их существование в человеческом мышлении, должно было бы иметь неограниченный объем: *не-рыба* обозначает все, кроме рыбы, *не-человек* обозначает все, кроме человека и т. п. [21]. Следует прежде всего заметить, что этот аргумент основан на объемном понимании суждения и соотношения его субъекта и предиката, а оно не имеет силы и по отношению ко многим типам утвердительных суждений. Так, когда утверждается *Этот лист зеленый*, то у говорящего тоже нет в мысли понятия о классе всех предметов, которые обладают зеленым цветом. К тому же граница между «отрицательными» и «положительными» понятиями не является абсолютной. Так, в русском языке многие слова, включающие в свой состав в качестве приставки то же самое *не* (*нехороший*, *неприятель* и т. п.), обозначают «положительные» понятия, т. е. обладающие вполне определенным содержанием, и имеют синонимы, не включающие в свой состав эту приставку (*нехороший* = *плохой*, *неприятель* = *враг*).

Историки русского языка отмечают, что отрицательная частица *не* и приставка *не-* имеют различное происхождение. А. А. Шахматов писал по этому поводу следующее: «...при именных сказуемых возможно двоякое понимание предложения — и в утвердительном, и в отрицательном смысле: *он не ловкий* и *он неловкий* (*il n'est pas adroit* и *il est maladroit*); *он мне не приятель* и *он мне неприятель*; это зависит прежде всего от утраты русским языком настоящего времени глагола *быть* и в положительной, и в отрицательной форме; в этой последней 3-е лицо единств. (*нѣ, нѣсть*) нашло себе заместителя в отрицании *не*: *он не хорош* восходит к *онъ нѣ хорошѣ*, с одной стороны, а с другой — *къ онѣ есть нехорошѣ*. Точно так же заместителем 3-го лица единств. *нѣ, нѣсть* в значении сущест- вует, и а х о д и т с я является отрицание *не*: *он не в городе* — *онъ нѣ в городѣ*» [22]. Иначе говоря, по А. А. Шахматову, глагол *быть* в отрицательной форме в 3-м л. ед. ч., с помощью которого образовывались отрицательные предложения, с некоторого времени стал замещаться отрицательной частицей *не*; вместе с тем в этот период в русском языке функционировала и приставка *не-*, с которой по своей роли сближается частица *не* в бесконечных суждениях (*не-человек*, *не-рыба* и т. п.).

Возвращаясь к суждению (З), мы можем его квалифицировать, в зависимости от того, признается или не признается существование бесконечного суждения, или как бесконечное, или как отрицательное на уровне его субъектно-предикатной структуры; в то же время на уровне его структуры как пропозициональной функции оно является утвердительным.

Выше уже отмечалось, что большинство специалистов по формальной логике рассматривает этот тип суждений как разновидность отрицательных суждений. Нам представляется, что проведенный выше анализ дает достаточные основания для того, чтобы определять его как утвердительное на уровне его структуры как пропозициональной функции и как бесконечное на уровне его субъектно-объектной структуры. Заметим, однако, что при решении такого рода вопросов необходимо учитывать характер «отрицательных» понятий, которые выступают в функции предиката. В частности, очевидно, что понятие *не-он* в силу специфики местоименной семантики соотносимого с ним «положительного» понятия *он* имеет существенно иную природу, чем «отрицательные» понятия типа *не-верблюд*, *не-охотник* и т. п., соотносимые с конкретными предметными понятиями *верблюд*, *охотник* и т. п. Этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении.

Анализ приведенных выше случаев функционирования отрицания на двух уровнях членения предложения и на соответствующих им уровнях

структуры выражаемого им суждения показывает, таким образом, что вопрос о качестве суждения не может быть решен однозначно: суждение как пропозициональная функция может иметь иное качество, чем суждение как субъектно-предикатная структура, т. е. они могут не совпадать по качеству, поскольку могут не совпадать предикативность (предикативное отношение) и сказуемость (сказуемое отношение) [4]. Представляется, что этот факт необходимо учитывать, когда в логике суждения классифицируются по форме.

Аналогичным образом в языкознании при квалификации предложений как утвердительных и отрицательных также не учитывается, что отрицание функционирует на двух уровнях его членения. Так, в последней академической грамматике русского языка [23] различаются два вида отрицательных предложений с факультативным отрицанием, т. е. предложений, в которых отрицание может быть и может не быть, — общеотрицательные предложения и частноотрицательные предложения. К первым относятся предложения, в которых отрицание находится «при сказуемом или главном члене, выражающем предикативный признак». Это прежде всего предложения типа *Брат не ходил вчера в библиотеку*. Ко вторым причисляются предложения, в которых отрицание относится к носителю признака или времени и месту, но не отрицается само действие. Это прежде всего предложения типа: 1) *Не брат вчера ходил в библиотеку*; 2) *Брат ходил не вчера в библиотеку*; 3) *Брат ходил вчера не в библиотеку*. По мнению автора этого раздела названного труда, предложения первого типа являются о б щ е о т р и ц а т е л ь н ы м и потому, что через отрицание предикативного признака отрицается и вся та ситуация, о которой сообщается в предложении. В предложениях же второго типа «отрицание относится не к ситуации в целом, а лишь к какой-то ее части, т. е. имеет ч а с т н ы й характер», почему эти предложения и определяются как ч а с т н о о т р и ц а т е л ь н ы е. Далее автор раздела пишет, что «член предложения с частным отрицанием, как правило, является ремой». Наконец, отмечается, что при наличии противопоставления «частный характер может иметь отрицание и при сказуемом (*Он не ходил в библиотеку, а ездил*)» и что в этом случае глагольное сказуемое также «выполняет функцию ремы» [23, с. 408]. Как это следует из вышеприведенных высказываний, вопрос о роли отрицания в конституировании структуры предложения решается здесь в рамках концепции так называемого семантического синтаксиса, для которой характерно прямолинейное соотнесение семантической структуры предложения со структурой той ситуации, по поводу которой высказывается предложение. При этом упускается из виду, что одна и та же ситуация может быть по-разному отражена мыслью человека и что даже одна и та же мысль может быть выражена различными по своей структуре предложениями, хотя бы и имеющими один и тот же лексический состав. Говоря о роли отрицания в этой связи, прежде всего следует заметить, что отрицание есть компонент мысли и выражающего ее предложения и потому неправомерно утверждать, что если отрицание находится перед каким-либо членом предложения, то отрицается обозначаемый им компонент ситуации (или вся ситуация в целом). Так, например, предложение *Брат не ходил в библиотеку вчера* при выделении посредством логического ударения слова *вчера* будет эквивалентно по выражаемой им мысли предложению *Не вчера брат ходил в библиотеку*, хотя в первом из них отрицание находится при глагольном сказуемом, и, таким образом, если следовать точке зрения автора, оно должно рассматриваться как общеотрицательное, а во втором отрицание находится при обстоятельстве времени, и, следовательно, оно является частноотрицательным. Говоря о ремовыделительной функции отрицания, автор этого раздела академической грамматики не учитывает также, что в данной функции в каждом языке используется совокупность самых разнообразных средств, так что в функции ремы (логико-грамматического предиката) может выступать не тот член предложения, при котором находится отрицание, а другой член предложения, маркируемый в этом качестве каким-либо иным предикато-выделительным языковым

средством. Так, например, в предложении *Только он не вчера, а сегодня пришел к нам* в функции логико-грамматического предиката выступает подлежащее *он*, маркером чего является выделительно-ограничительное слово *только*. Аналогичным образом, в предложении, приводимом автором раздела как пример общеотрицательного предложения, поскольку частица *не* находится перед входящим в состав сказуемого служебным глаголом (*Из всего экипажа только один водитель не был ранен*), на самом деле логико-грамматическим предикатом является группа подлежащего *один водитель*, о чем свидетельствует наличие при нем того же выделительно-ограничительного слова *только*.

Если учитывать, что отрицание может функционировать на двух уровнях членения предложения — синтаксическом и логико-грамматическом (актуальном), то анализируемая в академической грамматике совокупность фактов о роли отрицания в конституировании структуры предложения получит иную трактовку. Так, из приведенных выше примеров только предложение *Брат не ходил вчера в библиотеку*, определяемое в академической грамматике как общеотрицательное, является отрицательным как на уровне синтаксического, так и логико-грамматического членения, поскольку оба этих его уровня членения совпадают. Что же касается предложений (1), (2) и (3), то на уровне синтаксического членения и структуры суждения как пропозициональной функции они являются утвердительными. В самом деле, как уже отмечалось, синтаксическое членение предложения коррелирует со структурой суждения как пропозициональной функции, а во всех трех предложениях предикат этого уровня структуры суждения выражается сказуемым, при котором нет отрицания. Если же соотносить структуру предложения и выражаемой им мысли с ситуацией, о которой высказывается предложение, как это делает автор данного раздела академической грамматики (а с ситуацией коррелируют указанные уровни структуры суждения и предложения, которые на этих уровнях являются утвердительными), то соответствующие предложения рассматривать как частноотрицательные нет оснований. Что же касается логико-грамматического (актуального) членения предложения, то оно, как уже отмечалось, фиксирует ход, направленность познавательного процесса, отражающего ту или иную ситуацию, в виду чего его субъектно-предикатная структура может выражаться различными компонентами предложения, хотя бы оно и высказывалось по поводу одной и той же ситуации. Именно на этом уровне членения предложения функционирует отрицательная частица *не* в предложениях (1), (2), (3). В этих предложениях синтаксическое и логико-грамматическое членения расходятся, и отрицательная частица *не*, маркируя в каждом из этих предложений логико-грамматический предикат, который не совпадает со сказуемым, находится перед соответствующим членом предложения (*не брат*, *не вчера*, *не в библиотеку*).

Следует также отметить, что нельзя считать удачными и терминами общеотрицательными и частноотрицательными предложения. В логике под общеотрицательными суждениями имеют в виду такие суждения, в которых предикат отрицается в отношении всего объема субъекта, т. е. они являются отрицательными по качеству и общими по количеству (*Все советские граждане не хотят войны; Ни один советский человек не хочет войны*); частноотрицательными же являются суждения, в которых предикат отрицается в отношении части объема субъекта (*Некоторые птицы не летают*). Таким образом, в академической грамматике эти же термины при классификации предложений употребляются совсем в другом значении, чем в логике. Это едва ли оправдано, если учесть соотносительность терминов предложение и суждение.

Выше было рассмотрено функционирование отрицания в повествовательных предложениях, выражающих суждения в собственном смысле этого слова, или, как их определяют некоторые логики, суждения-общения. В вопросительных предложениях, выражающих суждение-вопрос, в этом отношении отмечаются некоторые специфические особен-

ности. Так, в вопросительных предложениях, в которых логический предикат выражается сказуемым (группой сказуемого), противопоставление между отрицанием и утверждением нейтрализуется⁴. Ср.: 1) *Ты пойдешь домой?* 2) *Ты не пойдешь домой?* Применительно к такого рода случаям положение, выдвигавшееся в традиционной формальной логике, согласно которому суждение-вопрос в отличие от суждения-сообщения не содержит в себе утверждения или отрицания, кажется оправданным. Однако оно оказывается ошибочным, если иметь в виду случаи, когда логический предикат выражается не сказуемым, а каким-либо другим членом предложения и в этом качестве маркируется, например, логическим ударением или модальным словом со значением той или иной степени достоверности или выделительно-ограничительным словом. Ср.: 1) *Ты не пойдешь домой?* *Ты пойдешь домой?* 2) *Только ты не пойдешь домой?* *Только ты пойдешь домой?* 3) *Вероятно, ты не пойдешь домой?* *Вероятно, ты пойдешь домой?* В отрицательном и утвердительном предложениях каждой пары логический предикат выражается не сказуемым, а подлежащим, которое маркируется логическим ударением (1), выделительно-ограничительным словом *только* (2), модальным словом *вероятно* со значением проблематичности (3). При этом в каждой из приведенных пар отрицание функционирует только на уровне синтаксического членения предложения; на уровне же логико-грамматического членения предложения, включающие отрицательную частицу *не*, будут утвердительными, как и предложения, не включающие ее. Таким образом, во всех трех случаях первое предложение каждой пары противопоставляется как отрицательное второму как утвердительному лишь на синтаксическом уровне их членения, коррелирующему со структурой суждения-вопроса как пропозициональной функции. Иначе говоря, здесь отмечается то же явление, что и в аналогичных случаях функционирования отрицания в повествовательных предложениях, выражающих суждения-сообщения (см. выше, с. 41). Следовательно, отрицание при глагольном сказуемом играет иную роль в вопросительных предложениях по сравнению с повествовательными только в тех случаях, когда синтаксическое и логико-грамматические членения каждого из этих видов предложений совпадают.

Отрицательная частица *не* в вопросительных предложениях, как и в повествовательных, может относиться не к глагольному сказуемому, а к какому-либо другому члену предложения. Благодаря этому соответствующий член вопросительного предложения становится выразителем логического предиката подобно тому, как это имеет место в аналогичных случаях в повествовательных предложениях. Примеры: 1) *Домой пойдешь не ты?* 2) *Ты не домой пойдешь?* Противопоставление между отрицанием и утверждением в такого рода вопросительных предложениях, как и в случае, когда логический предикат выражается сказуемым (синтаксической группой сказуемого), также снимается. Ср.: 1) *Домой пойдешь не ты?* *Домой пойдешь ты?* 2) *Ты не домой пойдешь?* *Ты пойдешь домой?*

Таким образом, если в соответствующих случаях в повествовательных предложениях, выражающих суждения-сообщения, отрицательная частица *не* изменяет качество этого последнего на уровне его субъектно-предикатной структуры (см. выше, с. 41), то в рассмотренных случаях качество суждения-вопроса на уровне его субъектно-предикатной структуры остается одним и тем же независимо от того, есть ли при логико-грамматическом предикате отрицательная частица *не* или ее нет.

Следует, однако, отметить, что есть один тип суждений-сообщений и выражающих их повествовательных предложений, в которых противопоставление утверждения и отрицания, как и в суждениях-вопросах и выражающих их вопросительных предложениях, хотя и в меньшей степени, также снимается, что ранее, насколько мне известно, вообще

⁴ Вместе с тем между этими предложениями существует и некоторое различие. Так вопросительное предложение, включающее отрицательную частицу *не*, имеет оттенок вежливости, какового не имеет вопросительное предложение без этой частицы.

не отмечалось ни в логике, ни в языкознании. Это касается так называемых определенных частноутвердительных и частноотрицательных суждений. В логике было установлено [24], что слово *некоторые* в суждениях типа *Некоторые студенты этой группы занимаются спортом* может быть употреблено в смысле «по крайней мере некоторые, а может быть и все», а при логическом ударении на этом слове в смысле «только некоторые». Но если взять предложения *Только (= лишь) некоторые студенты этой группы занимаются спортом* и *Только (= лишь) некоторые студенты этой группы не занимаются спортом*, то окажется, что их противопоставление как утвердительного и отрицательного в значительной степени снято и они выражают весьма близкие по содержанию мысли и, следовательно, нет оснований рассматривать выражаемые ими суждения-сообщения как различающиеся друг от друга по формальному признаку качества. В самом деле, предложение и выражаемое им суждение *Только некоторые студенты этой группы занимаются спортом* имеет в качестве пресуппозиции (презюпции) предложение и выражаемое им суждение *Некоторые студенты этой группы не занимаются спортом*; слово *только* в первом суждении является формальным маркером этой пресуппозиции; в свою очередь пресуппозицией предложения и выражаемого им суждения *Только некоторые студенты этой группы не занимаются спортом* будет суждение *Некоторые студенты этой группы занимаются спортом*, причем слово *только* в первом суждении этой пары выполняет ту же функцию в отношении ее второго суждения⁵. Аналогичным образом обстоит дело с соответствующими логическими кванторами и в других языках (*einige* в немецком, *quelques* во французском и т. д.).

В логике установлено, что отношение противоречия существует между частноутвердительным (I) и общео отрицательным (E) суждением и между частноотрицательным (O) и общеутвердительным (A). Но если брать определенные частноутвердительные и частноотрицательные суждения, то окажется, что с общео отрицательным суждением (E) в отношении противоречия будет находиться не только частноутвердительное (I), но и частноотрицательное (O) и, наоборот, с общеутвердительным суждением (A) в этом отношении будет находиться не только частноотрицательное (O), но частноутвердительное суждение (I). Так, например, в отношении противоречия к общеутвердительному суждению *Все студенты занимаются спортом* будет находиться не только определенное частноотрицательное суждение *Только некоторые студенты не занимаются спортом*, но и определенное частноутвердительное суждение *Только некоторые студенты занимаются спортом*. Это последнее суждение, как и второе, тоже несовместимо с первым и оба они не могут быть одновременно истинными.

Приведенные примеры представляют интерес также и в другом отношении. Выше уже отмечалось, что выделительно-ограничительные частицы типа *только*, *лишь*, *даже* и т. п. являются одним из формально-языковых средств маркирования логического предиката. Возникает вопрос, выполняет ли эту функцию слово *только*, когда оно относится к логическому квантору *некоторые*. При его положительном решении в качестве логико-грамматического предиката должен был бы рассматриваться компонент *только некоторые студенты этой группы*, а логико-грамматического субъекта — группа сказуемого *занимаются спортом*. В таком случае суждение *Только некоторые студенты этой группы занимаются спортом* не было бы основания квалифицировать как частное, поскольку частными суждениями являются те, в которых содержание предиката относится лишь к части объема субъекта. Решение этого вопроса затрудняется тем, что слова *только* или его эквивалент *лишь* в указанных случаях непосредственно относятся к логическому квантору, но не слову, участвующему в выражении конкретного содержания суждения.

В заключение следует отметить, что в побудительных предложениях в отличие от восприсительных функция отрицательной частицы *не* таких

⁵ О пресуппозиции и средствах ее формального маркирования в предложении см., в частности, [25].

существенных изменений не претерпевает, т. е. остается в своей основе той же, что и в повествовательных предложениях.

Итак, отрицание, как это показано на примере функционирования частицы *не* в русском языке, играет существенную роль в конституировании структуры предложения как языковой единицы и суждения (логемы) как формы мысли. Как и некоторые другие формально-языковые средства, оно функционирует и на синтаксическом, и на логико-грамматическом уровне членения предложения и на соответствующих им уровнях структуры суждения (логемы) — его структуры как пропозициональной функции и его же субъектно-предикатной структуры. В силу этого вопрос о том, является ли предложение и суждение-сообщение утвердительным или отрицательным, т. е. вопрос о качестве суждения, может быть решен только с учетом этого обстоятельства: отрицательным является лишь то предложение и выражаемое им суждение-сообщение, в котором соответственно оба уровня членения и оба уровня структуры не расходятся, т. е. когда предикаты обоих уровней структуры суждения выражаются сказуемым (его синтаксической группой) с отрицательной частицей *не*. В этих случаях отрицательная частица *не* функционирует на обоих уровнях членения предложения и структуры выражаемого им суждения (ср.: *Он вчера не приезжал домой*).

В тех же случаях, когда указанные уровни членения предложения и структуры выражаемого им суждения расходятся, т. е. когда предикаты каждого из уровней структуры суждения выражаются различными членами предложения (*n*-местный предикат глагольным сказуемым, а предикат субъектно-предикатной структуры — каким-либо другим членом предложения), предложение при наличии в нем отрицательной частицы *не* будет отрицательным на уровне его синтаксического членения и утвердительным или бесконечным на уровне его логико-грамматического членения.

Отрицательная частица *не* выполняет неодинаковые функции в различных видах коммуникации, т. е. в предложениях-сообщениях, предложениях-вопросах и предложениях-побуждениях. Так, в предложениях-вопросах, в которых логический предикат маркируется отрицательной частицей *не*, противопоставление между такого рода отрицательным предложением и соответствующим утвердительным нейтрализуется (ср.: 1) *Он приезжал не домой?* 2) *Он приезжал домой?*). В отличие от этого в предложениях-сообщениях противопоставление между утверждением и отрицанием в известной мере снимается только в тех из них, которые выражают определенные частные суждения (ср.: 1) *Только (= лишь) некоторые студенты этой группы занимаются спортом*; 2) *Только (= лишь) некоторые студенты этой группы не занимаются спортом*). В предложениях-побуждениях отрицательная частица *не* выполняет ту же функцию в конституировании качества выражаемой мысли (отрицательность в противоположность утвердительности), как и в предложениях-сообщениях.

Наряду с указанной функцией отрицательная частица *не* используется также как показатель логического предиката субъектно-предикатной структуры выражаемой предложением мысли: она маркирует в этом качестве глагольное сказуемое (его синтаксическую группу), если нет какого-либо другого показателя логического предиката при ином члене предложения; она маркирует в этом качестве любой несказуемый член предложения, если нет какого-либо специально используемого для этого показателя логического предиката при другом несказуемом члене предложения (ср.: 1) *Он не приезжал вчера домой*; 2) *Вчера он не домой приезжал*; 3) *Вероятно, вчера он не приезжал домой*; 4) *Вероятно, вчера он не домой приезжал*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
2. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
3. Панфилов В. З. К вопросу о логико-грамматическом уровне языка. — Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1962, Hf. 3—4.

4. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 166—174.
5. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения.— ВЯ, 1977, № 4.
6. Бондаренко В. Н. Средства выражения некоторых универсалий предложения, обусловленных структурой выражаемой им мысли.— Ин. яз. в шк., 1980, № 1.
7. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке.— ФН, 1979, № 2.
8. Пумпянский А. Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.
9. Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
10. Торопова Н. А. К исследованию логических частиц.— ВЯ, 1978, № 5.
11. Торопова Н. А. Логические частицы как средство актуального членения предложения.— Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1981, Hft. 2.
12. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М., 1976.
13. Шевакова В. Е. Современный английский язык. М., 1980.
14. Ившин В. Д. Коммуникативная перспектива предложения.— Мадне, 1970, № 1.
15. Ившин В. Д. Некоторые задачи изучения синтаксиса высказывания (на материале английского и русского языков).— В кн.: Вопросы английской и французской филологии. Тула, 1972.
16. Sgall P., Hajičová E., Buráňová E. Aktuální členění věty v češtině. Praha, 1980.
17. Кант И. Критика чистого разума. Пг., 1915, с. 71.
18. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. М., 1974, с. 358.
19. Гегель. Наука логики. Т. II. Субъективная логика или учение о понятии.— Соч., М., 1939, т. VI, с. 79—81.
20. Энгельс Ф. Диалектика природы.— В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 538.
21. Lotze H. System der Philosophie. Tl. I. Leipzig, 1874, S. 61—62.
22. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 482.
23. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
24. Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного третьего. Казань, 1910.
25. Ежова Г. В. О формальном маркировании пресуппозиции в предложении.— В кн.: Проблемы синтаксиса и структуры слова. М., 1979.